

I.

Как ищущий света в горящем на воре,
как свет обошедший, что выжжен пожаром земным, —
стоит человек, и ему открывается горе,
и море непаханой боли встаёт перед ним.
Где взгляд, навсегда устремлённый в своё родовое, —
там путь пуповинный, там блудный вернётся иным, —
седым, повзрослевшим, — земля зарастает травой,
и дымом становится память, и памятью — дым.
На ощупь, слезящимся зреньем, — сквозь кущи, сквозь чащи,
где было бы проще прервать беспокойную нить,
чем ткать переправу ночную для ждущих, молчащих,
смотрящих сквозь даль — без возможности повременить.
Уже отпуская, с иного взглянуть пьедестала, —
союз нерушимый в движенье сошедшихся плит,
и можно ладони разжать, чтобы ветер обнять небывалый,
и лёгкая ноша в неясное небо летит.

II.

Илье

*Глаза шитьём за лампою слезя,
Горит заря, спины не разгибая.*

Борис Пастернак

За подарок речи без языка,
за отмену солнца — сама свети, —
надо выбрать тридцать из сорока,
надо выбрать двадцать из тридцати.
На развилке безрыбья — ясны пути:
за трудом, как за горем, глаза слезя,
можно выбрать восемь из девяти;
одного из пяти — нельзя.
Даже если поющему — всё равно,
в полынье позвавшему тишину;
человек выбирает из двух одно,
если даже идёт ко дну, —
погружаясь в архив — или зная, что смерти нет,
выключает — или включает свет;
где-то есть другой, непохожий свет —
там ещё мы увидим свет.
Через дождь — пунктирный и раздвижной,
чётких красок — белый и голубой, —
там услышишь голос: «побудь со мной», —
и одна из двух навсегда с тобой,
навсегда, навсегда с Тобой.

III.

последний грим прилёгший на лицо
припорошил траву
и я забыл садовое кольцо
и летнюю москву
теперь крутись забвение моё
в нецирковых руках
как радиус меж точками над «ё»
расставленных впотьмах
сперва недвижимый после раздвижной
непоправимый свет
где живы все на полосе одной
на той где смерти нет
смолчавшие кто тайну не донёс
до слёз как до дверей
и у подножья маленьких берёз
цикорий и кипрей